

The background of the book cover is a light gray grid pattern. Several windows with black frames and white curtains are visible. A central window has a flower box with red flowers. The text is centered within a black-bordered white rectangle.

Юрий Сапрыкин

**Наблюдательные
пункты**

*О духе времени
2007-2012*

Юрий Сапрыкин

Наблюдательные пункты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12477247

ISBN 9785447434014

Аннотация

Эти шесть лет в России происходило всякое. Начался и закончился финансовый кризис, разгорелось и угасло массовое протестное движение, социальные сети стали частью повседневной жизни, появилось совершенно новое поколение со своими особыми вкусами и повадками. Тексты Сапрыкина – это возможность снова ощутить атмосферу совсем недавнего прошлого, или почувствовать ветер еще не наступившего будущего, в общем, пережить тот самый дух времени, который дышит, где хочет.

Содержание

Наша биография	6
I. Хтонь, если не мы	9
Мой компас земной	11
Странные игры	14
Белое безмолвие	17
Время детское	20
Вон из профессии	23
Хтонь, если не мы	26
II. Исчезновение стыда	29
Наш любимый причиндал	30
О, где же ты, кандидат?	33
Гроздь гнева	36
Международная панорама	39
Завтрак для чемпионов	42
Рубашка	45
Милые бранятся	48
Пока ты спал	51
На сложных шах	54
Сраму не имут	57
Эй, начальник!	60
Атлант пожимает плечами	63
Сапожки	66
Сияние	69

Нейлон 100%	72
Квант милосердия	75
III. Сразу предупреждаем – денег не будет	78
Мой компас земной	80
Живот кинозрителя	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Наблюдательные пункты О духе времени. 2007—2012 Юрий Сапрыкин

© Юрий Сапрыкин, 2015

© Dominik Bartsch | Flickr <https://www.flickr.com/photos/downhilldom1984/5488864050/>, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Наша биография

Как и многие хорошие дела, это было придумано случайно: после очередного редизайна журналу «Афиша» понадобилась колонка в первой части номера, по умолчанию решили, что писать ее должен главный редактор, а тема – ну какая тема, давайте о чем-нибудь, что носится в воздухе. В воздухе тогда носились вполне легкомысленные вещи – на биеннале в Венецию вместо настоящих художников поехала олигархическая жена, на презентации очередного глупого фильма выставили столы в форме свастики; еще не было ни Мюнхенской речи, ни войны с Грузией, ни банкротства Lehmann Brothers, Навальный вел дебаты в клубе «Билингва», Джобс только-только показал первый айфон, самой прогрессивной соцсетью считался Livejournal. Казалось, что мне придется заниматься хроникой светских околокультурных скандалов – что ж, почему бы и нет.

Все вышло по-другому. В воздухе появились невиданные ранее существа и сущности, хроника светских нелепостей превратилась в карту новых силовых линий и конфликтных точек, благополучный московский мир, в котором все неплохо (и казалось, надолго) устроилось, оказался местом, которое чуть ли не ежедневно перестраивается заново, как в хорошем фильме «Темный город». Технологии, власть, новые отношения с деньгами, общением, городским

пространством, информационной средой – автор, подписавшийся раз в две недели отслеживать изменения окружающей среды, не успевал менять батарейки в своих приборах. Говорят, что благодаря этим колонкам (объединенных в журнале под несколько помпезным названием «О духе времени») в русском языке появилась пара новых слов и устойчивых выражений, мне неоднократно встречались люди, которым, по их собственным словам, эти колонки объяснили, Как Всё Устроено – сложно судить, насколько это правда, но то, что за отчетный период эти люди начали совсем по-другому смотреть на вещи (пусть даже безотносительно к тому, о чем писал журнал «Афиша») – это медицинский факт. Слежение за тем, что носится в воздухе, переводя это с языка наивно-метафорического – это хроника того, что происходит у нас в головах: как меняются настроения и взгляды, как то, что вчера было важным, вдруг оказывается совершенно несущественным (и наоборот), как меняется оптика, через которую мы смотрим на мир. Эти колонки никогда не претендовали на то, чтобы описывать Объективную Реальность (пусть даже в границах ЦАО г. Москвы) – скорее, это было наблюдение за наблюдателями; метеорологическая сводка наших с вами умственных порывов и душевных бурь. Наверное, в них можно найти последовательный социальный сюжет – выражаясь совсем дуболомным образом, как гламур породил хипстеров, те вышли на Болотную, а потом их всех накрыло скрепой – но по-моему, гораздо интереснее вспоми-

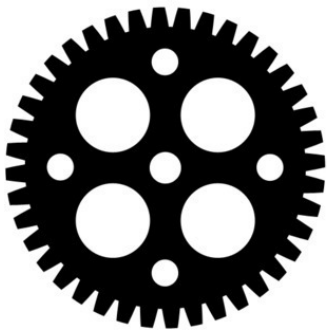
нать, как мы переживали все эти моменты, когда еще непонятно было, что напишут про них в учебниках истории. Пожалуй, если в этом сборнике и есть какая-то история – то это история не самых важных вещей, случившихся в течение одной случайно взятой пятилетки и имеющих смысл для не самого крупного социального среза; но в этом, по-моему, и прелесть – из этой книжки ты, читатель, ничего не поймешь о всемирно-исторических тенденциях, зато наверняка вспомнишь, как еще недавно сам был совсем другим. Как пели в одной советской песне – и не думать об этом нельзя, и не помнить об этом не вправе я.

21.10.2015

Книга издается в качестве учебного проекта в рамках курса «Современное книгоиздание» магистерской программы «Мультимедийная журналистика» НИУ ВШЭ под руководством А. Гаврилова и В. Харитонова.

I. Хтонь, если не мы

Некоторое время назад обозреватель «Афиши» Лев Данилкин ввел в обиход понятие «хтони» – темной, подземной, иррациональной силы, управляющей жизнью страны. «Ненависть, скепсис или активное участие („кто, если не мы, когда, если не сейчас“) ничего не изменят, – писал Данилкин в рецензии на гаррос-евдокимовский „Фактор фуры“. – Дело не в том, что в обществе велик процент жлобов, что поколение выбрало буржуазность вместо бунта, не в низком уровне гражданского сознания – а в судьбе, мистическом предназначении этой территории. Россия вырабатывает иррациональность, хаос, хтонь, в этом и есть ее функция».

Мой компас земной

Русские на биеннале в Венеции

Чтобы увидеть основной проект, представляющий Россию на Венецианской биеннале 2007 года, в Венецию ехать незачем. Проект «Click I Hope», в честь которого назван российский павильон, живет на сайте *[битая ссылка]* *clickihope.com*; огромное табло на фасаде павильона лишь отображает то, что происходит на сайте. А происходит вот что: по белому фону справа налево ползут черные буквы (а также иероглифы и арабская вязь), из них складываются слова «Я надеюсь» на 50 языках, можно подвести мышку и кликнуть – тут же высвечиваются счетчики, фиксирующие, сколько пользователей кликнуло на тот или иной языковой вариант и сколько кликнуло всего. Ну вот, такой проект. С ног, мягко говоря, не сшибает.

«Юлия Мильнер, самый молодой участник проекта, меняет рефлексивную парадигму на стратегию „action“, апеллируя к естественной витальности человека», – так комментирует проект «Click I Hope» куратор российского павильона Ольга Свиблова. Резонно было бы спросить: а что же тогда сайты MySpace, YouTube, Google Earth и прочий вебдваноль? Если уж проект «Click I Hope» меняет парадигму, что сказать о них? Вопрос, впрочем, дурацкий: MySpace и YouTube не маркированы как произведения современного

искусства, в каталоге Венецианской биеннале о них ничего не написано. Юлии Мильнер повезло больше.

Смена рефлексивной парадигмы не единственная заслуга молодой художницы; в одном из недавних интервью Мильнер (тогда еще известная под фамилией Бочкова) сообщила: «Я первая, кто сделал мобилографию искусством. Есть, конечно, в интернете работы мобилографов, но это не то. Потому что они просто делают снимки телефоном – и все. А я еще и разукрашиваю». Разукрашенные снимки на мобильный можно и сейчас увидеть на сайте Московского дома фотографии: там изображены Ксения Собчак, Алсу, Федор Бондарчук, Тина Канделаки и другие прекрасные люди. Кроме этих невиданных по своей смелости работ, в портфолио художницы есть несколько черно-белых ню, неразукрашенные Куценко и Бондарчук, очень много автопортретов и серия работ «Дикие фрукты» – изображения фруктов, напоминающих женские половые органы, или женских половых органов, напоминающих фрукты (кажется, что-то такое я видел в исполнении художницы Татьяны Либерман, но это было еще до смены рефлексивной парадигмы).

У художника Викентия Нилина есть растянутая во времени акция – знакомясь с любым другим художником, он говорит: «Ой, а я думал, что вас на самом деле нет, что вы – чья-то художественная мистификация!» Биография Юлии Мильнер, присланная в редакцию пиар-директором художницы, настолько прекрасна, что тоже кажется мистификаци-

ей: «Всего несколько лет назад юная школьница из Новосибирска мечтала о карьере фотомодели – и сделала ее!.. А потом, подчиняясь внутреннему порыву, она буквально сбежит из-за границы и переключится на занятия рисунком и фотографией». Но Мильнер, кажется, действительно существует, и вся эта история, конечно, не про странности в механизмах функционирования арт-бизнеса, а именно что про человеческую витальность, которая не может не вызывать восторга, – вот так же митьки, согласно книге Шинкарева, восхищались высоко прыгнувшим котом. Оказавшиеся на биеннале обозреватели «Афиши» подтверждают: Мильнер в Венеции – на голову выше всех. Ну просто физически на голову выше.

18 июня 2007

Странные игры

Олимпиада в Сочи

Все было как обычно. Студия Первого канала, надпись «Пусть говорят» во всю стену, взбудораженная массовка с российскими флагами, ведущий Малахов, мечущий микрофон, как крупье игральные карты, Жириновский, Бабкина, Митрофанов, мы заслужили эту победу, всем известно, что наш снег – лучший в мире. Ну и так далее до трех часов ночи. И, в общем, не было сомнений, чем все кончится. Когда российский участник, как всегда, займет любое место, кроме первого, те же люди начнут произносить совсем другие тексты: в этом замешана политика, Запад нас боится, нужно объявить бойкот всем, кто голосовал против России. Сценарий этого шоу обкатан на конкурсах «Евровидение», и в логику этого сценария как-то не вписывается вариант, при котором Россия побеждает. Ну не было такого.

Но в 3 часа 18 минут по Москве гватемальская девочка-гимнастка Анна-София Гомес поднесла председателю МОК Жаку Рогге подушечку с запечатанным конвертом, в котором лежала карточка с надписью «Sochi 2014».

Министр транспорта Игорь Левитин вскочил со стула с таким лицом, будто его укусила пиранья. Андрей Малахов схватил в охапку первого попавшегося человека (им, на беду, оказалась тренер Татьяна Тарасова) и приподнял ее над

землей. Дальше начался хаос. К четырем утра в эфире российских телеканалов не осталось ни одного трезвого человека. Лев Лещенко, путаясь в словах, пел «До свиданья, наш ласковый Миша», вокруг него водили хоровод Жириновский с Бабкиной, Вячеслав Фетисов в прямом эфире из Гватемалы целовался с корреспонденткой, ведущий новостей канала «Спорт» при каждом включении с виноватой полуулыбкой прятал что-то под стол. И все эти люди были против обыкновения совершенно уместны, прекрасны и милы. На минуту показалось: наутро мы проснемся в другой стране.

Но и наутро все было как всегда. Судя по радиоэфирам и постам в ЖЖ, недовольных оказалось никак не меньше, чем довольных. Недовольные говорили, что: а) все деньги разворуют, б) лучше бы повысили пенсию старикам, в) уникальной сочинской природе конец, г) жителей Сочи пустят по миру и т.д.) все будет слишком дорого и не для нас. И вообще, зачем нам эта Олимпиада?

Ну не знаю. Для человека, заставшего 1980 год, ответ понятен: Олимпиада затем, чтобы улетал Мишка, а Роднина плакала бы на пьедестале. Судя по лицам и воплям российской делегации, в момент объявления Сочи они тоже думали не про распилы и откаты. Олимпиада – это безусловная ценность, это как Новый год: не призывают же его отменить из-за того, что Деда Морозы шатаются по городу пьяные. Но согласитесь, довольно глупо начинать праздновать Новый

год в июле.

Ведь правда же – ничего еще не произошло. Олимпиада в Сочи – это не отметка «отл.» в зачетке; скорее допуск к экзамену. А дальше возможны варианты. Можно заказать все олимпийские проекты сэру Норману Фостеру, чтобы потом замылить их на стадии согласования, – а можно превратить Сочи в город самой невероятной архитектуры. Можно порадовать гостей Игр творчеством Киркорова и Валерии в декорациях Бориса Краснова – а можно собрать самых ярких музыкантов и постановщиков в мире (включая немафиозных своих). Можно продолжать предьявлять себя миру в качестве страны амбициозной, но страшно закомплексованной, вороватой и провинциальной – а можно сделать усилие и поменять формат.

По крайней мере, теперь есть повод.

16 июля 2007

Белое безмолвие «Вести» на канале «Россия»

Всю неделю мы смотрели на лед. Изредка нам также показывали, что происходит под водой. Потом, правда, выяснилось, что подводные съемки были взяты из фильма «Титаник», но лед точно был наш. Над поверхностью льда возвышалось научное судно, на борту которого приплыли батискафы «Мир». Потом батискафы опустились на дно где-то в районе Северного полюса и воткнули в подводную твердь российский флаг. Флаг так и не показали, зато в кадре неожиданно появились дельфины – оказалось, это я отвлёкся, и уже пошел другой сюжет: в Московском дельфинирии родились два дельфиненка. Тем временем батискафы подняли наверх, а их экипаж был с почестями встречен в Москве. По версии главной новостной программы главного телеканала «Россия», всю неделю в мире не было важнее события, чем это.

Первую половину месяца я провел на литовском курорте Паланга, где не было русско- и англоязычных газет, отсутствовали интернет-кафе и ловился лишь один телеканал на доступном мне языке. По возвращении на родину я обнаружил, что европейские СМИ нещадно гнобят канал «Россия» за то, что сюжет про батискафы иллюстрировался там кадрами из фильма «Титаник», а сюжет про Березовского –

статьей про Бориса Абрамовича на первой полосе The Times (каковой статьи там никогда не было). Но если просто смотреть «Вести», никакого подвоха не видно. Ну да, такие съемки. Показывают, что происходит под водой.

Надеюсь, никто всерьез не полагает, что кровавый режим силой заставляет тележурналистов тырить кадры из «Титаника» и переверстывать британские газеты. Я бы даже не списывал эту просадку на непрофессионализм. Штука в том, что мир, о котором рассказывают «Вести», абсолютно статичен, в нем по большому счету ничего не происходит. Наступает, допустим, День ВДВ – «Вести» честно расскажут о его наступлении, сообщат, что праздничные торжества открылись церемонией на Красной площади, а потом десантники отправились отдыхать в московские парки. В принципе, такой сюжет о Дне ВДВ можно написать и смонтировать за неделю до праздника. Или за год. И картинку взять пятилетней давности: там тот же фонтан в Парке культуры и тот же ансамбль «Голубые береты». Что толку лезть с тяжелой камерой на дно Северного Ледовитого: все тыщу раз уже снято. Как писал когда-то журналист В. Панюшкин, «девушка снимает футболку, под ней ничего нового».

Мир, о котором рассказывают «Вести», устроен так. У России была ужасная история, особенно в XX веке. Теперь Россия – большая и богатая страна, в которой очень много углеводородов (даже в сюжетах про батискафы дикторы особо подчеркивают, что в результате исследований к терри-

тории России можно будет прирезать столько-то тысяч километров океанского дна, где таится столько-то тысяч тонн нефти и газа). Также в России есть хорошие современные вооружения, особенно удались зенитно-ракетные комплексы. Зарубежные государства пытаются купить у России углеводороды и зенитки, правда, не у всех хватает денег. Тогда зарубежные страны начинают строить против России козни – допустим, сбрасывают с самолета ракеты на свои же деревни. Еще в зарубежных странах случается много стихийных бедствий. В культуре происходят события двух родов: а) кинофестивали, б) смерти выдающихся деятелей искусств. А еще в России замечательные железные дороги и много забавных зверей, которые с удовольствием размножаются в неволе.

Дельфинята чувствуют себя хорошо.

27 августа 2007

Время детское

Почему нет новых звезд

То, что самое рейтинговое телешоу последних лет – «Фабрика звезд» – когда-нибудь перестанет быть самым рейтинговым, – это и так было ясно. Вопрос лишь в том, чем удивит нас телевидение. Оказалось – ничем. Как выяснилось, чтобы победить «Фабрику звезд», нужно взять формат «Фабрики звезд» и запихнуть в него Анне Вески, Михаила Муромова и Сергея Челобанова. Шоу канала НТВ «Ты – суперстар!» сопутствует небывалый успех, притом что ни одного нового имени (песни, шутки, мысли) в этой программе нет. Как говорил по другому поводу музыкант Константин Никольский, «новые песни пишет тот, у кого старые плохие».

Шутки шутками, но так мы долго не протянем. Устраивать выставки Кабакова и Пивоварова, издавать... ну пусть даже Сорокина и Пелевина, снимать в кино Гафта и Ахеджакову, радовать телезрителей по праздникам Ротару и Макаревичем (а в качестве культурологической провокации выкатывать Михаила Муромова) – это все здорово, но батарейки скоро закончатся. А новых нет. За все двухтысячные годы (которых уже прошло, на секундочку, восемь) в стране не возникло ни одного хоть сколько-то общезначимого культурного героя; немногие исключения – вроде писателя Быкова или актера Хабенского – на самом деле люди из 90-х,

в 2000-е они лишь получили бюджеты, премии и давно заработанную славу.

Вообще, так не бывает. Даже в самые глухие времена прошлого века искусство как-то обновлялось. В худшем случае, страна могла не знать своих героев, чьи книги писались в стол, а фильмы укладывали на полку. Но полки и стола давно уж нет, любые продукты любого творчества доступны одним щелчком мыши, а в результате – ничего нового. Даже медиа, кровно заинтересованные в новых героях, вынуждены придумывать их, в общем, на пустом месте: при всем уважении к молодым актерам-режиссерам, про которых пишут в журнале Hello!, в журнале Hello! на них смотреть гораздо интереснее, чем на экране.

Все причины, почему в 2000-е годы все устроилось так, сводятся к одной: молодые деятели искусств слишком рано начинают заниматься фигней. И виноваты тут, в том числе и медиа, которым требуются новые герои. Естественный процесс развития артиста – ну там медленное обучение, постепенное становление, формирование группы единомышленников, кристаллизация новых идей – заканчивается, не начавшись: к любому молодому человеку, сделавшему хоть что-то путное, немедленно бегут брать десять интервью. А завтра фотограф уже снимает интерьер его квартиры. А послезавтра зовут сниматься в сериале (ток-шоу «Пусть говорят», передаче «Звезды на льду»). Через полгода становится ясно, что даже Михаил Муромов был интереснее.

Возможно, есть единственная область, где этот закон не работает, – и именно поэтому, говоря про отсутствие новых героев, неизбежно приходится выводить за скобки Серебренникова, Вырыпаева, братьев Пресняковых, Александра Яценко и кучу других молодых актеров. В театре есть все то, чего не хватает остальным сферам искусств – от современного искусства до поп-музыки. Школа. Традиция. Профессиональное сообщество. Моральные ориентиры. Более-менее компетентная и заинтересованная критика. Институты, которые позволяют (и даже помогают) молодым людям сбиваться в стаи и придумывать что-то вместе. Ну и потом, по сравнению с остальными сферами в театре просто крутится меньше денег. Как ни странно прозвучит – возможно, в этом-то и счастье.

5 ноября 2007

Вон из профессии Перестановки в СМИ

Первым, еще в четверг вечером, выступил ЖЖ-юзер bearshitsky. «Давно репутация журналистского ремесла не была в таких руинах, – писал бывший главред и/или издатель «Ведомостей», «Огонька», Newsweek, Forbes и SmartMoney (а ныне управляющий директор инвестиционного банка «КИТ Финанс»), комментируя последние изменения в медиасообществе.

– Я спрыгнул. То есть повел себя как крыса. Но рациональным людям, которые еще на корабле, я не могу порекомендовать иного».

Тем же вечером стало известно про журналистку Юлию Юзик: сначала она написала заметку про диссидента Буковского в «Комсомольской правде», потом – пост в ЖЖ про то, как ей приходится торговать совестью, чтобы было на что кормить детей, потом – пост в ЖЖ про то, как ее вышибли из «Комсомольской правды» за предыдущий пост в ЖЖ. Утром в пятницу пришли сообщения про то, что ушел редактор политики из «Коммерсанта» и редактор комментариев gazeta.ru. В районе 14:00 стало известно, что свой пост покинул главный редактор московского «Большого города» Алексей Казаков. К вечеру 90% писем и звонков от знакомых были выдержаны в тональности «эточтожеэтоготакоепро-

исходиттоа?!»

В истории гражданской авиации бывали недели, когда независимо друг от друга начинали падать самолеты. Один за другим, в самых разных географических точках, по самым разным причинам. И ты понимаешь, что по разным, – но от совпадения становится не по себе: а вдруг в конструкции что-то не так? Может, самолет – и вправду летающий гроб, просто раньше им случайно удавалось не падать? К вечеру пятницы такое подозрение возникло у многих: видимо, со свободой слова вообще швах, похоже, профессионалы издательскому бизнесу только мешают, наверное, действительно пора спрыгивать.

Журналистский мир устроен так, что в нем не бывает хороших новостей. Почти любая серьезная кадровая перестановка, практически каждый уход (или новое назначение) воспринимаются снаружи как катастрофа. Естественная реакция на известие, что знакомого редактора сменил незнакомый: «Ну вот, испортили хорошую вещь». Всем и всегда кажется, что при дедушке было лучше; да и вообще – мир катится по наклонной, про это еще Гесиод писал. В России пессимизм усугубляется тем, что журналистские свободы и вправду несколько придушены, а пуганая ворона, известно, куста боится. И пусть потом окажется, что редактор из gazeta.ru ушел на место редактора «Коммерсанта», а тот переехал на соседний этаж в журнал «Власть» – но осадок остался.

Извините за банальность, но жизнь сложнее. Случай девушки, которая пишет гаденькие заметки и не менее гаденькие посты в ЖЖ («Буковский не согнулся буквой „зю“, как делаешь сейчас ты. . . То, что ты делаешь, выстраивая в изящном порядке буковки на бумаге, по сути, не что иное, как великая мастурбация. . .» – бр-р-р), ничем не похож на случай талантливого человека, которому стало тесно и скучно в редакторском кресле. Единственная общая деталь – на их свободу никто не покушался. Я точно знаю, что Казаков в своем редакторстве (да и вообще в жизни) был свободен, словно птица в небесах. Я почти уверен, что за спиной у Юлии Юзик не стоял редактор с плетью, заставляя ее хихикать над стариком диссидентом. Поэтому рациональным людям я бы рекомендовал не дергаться. Самолеты, правда, падают по разным причинам. Но большинство – летает.

5 ноября 2007

Хтонь, если не мы

Предвыборная агитация

В романе Пелевина «Чапаев и Пустота» есть эпизод, где Петька и Чапаев провожают на фронт ивановских ткачей. Герои только что познакомились, Чапаев оказался интеллигентным человеком и ценителем прекрасного – при встрече играл на рояле Моцарта, – и вот они приезжают на вокзал, Чапаев залезает на трибуну и начинает надсадно орать: «Собрались вы тут сами знаете на што. Неча тут смозоливать. Всего навидаетесь, все испытаете. Нешто можно без этого? А? На фронт приедешь – живо сенькину мать куснешь. А што думал – там тебе не в лукошке кататься».

По степени интеллектуального напряжения нынешняя предвыборная агитация не уступает речи Чапаева. Спикер Совета Федерации РФ с серьезным видом говорит с экрана: «Перед вами Серега Миронов, за плечами которого 18 полных сезонов». Ролик СПС рассказывает о вреде пива. Явлинский вспоминает Бога и духовность. Лидер партии «Патриоты России» выглядит так, что можно вообще ничего не говорить – как не нужно говорить, к примеру, скифскому каменному истукану. Но это, положим, карликовые партии, а что же сообщает нам единственная политическая сила, готовая взять ответственность за страну? Что в 90-е годы в России было плохо, сейчас хорошо, а будет еще лучше. Что Аме-

рика хочет отобрать наши нефть и газ. Что выборы в парламент – это референдум о доверии президенту (а выборы президента, видимо, будут объявлены референдумом о доверии парламенту). Что кругом враги, которые шакалят, обдeldыва-ют делишки и хотят получить коврижки. Что 2 декабря ре-шается судьба всего мира (я не шучу – у «Единой России» правда есть такой телеролик). Короче, «Владимир голосует за Путина» (как гласит агитплакат на улицах Владимира, вы-вешенный кем-то в ЖЖ).

Вообще говоря, у страны есть проблемы – реальные или воображаемые, предвыборная кампания – подходящее вре-мя, чтобы про них поговорить. Что делать с Северным Кав-казом? А с коррупцией? Станет ли все-таки армия профес-сиональной или будут брать всех без разбору? Если цены на нефть упадут вдвое или рухнет окончательно доллар – как все будет устроено? Ну и так далее. Меж тем по всем этим волнующим поводам не сказано ни слова. Никем. Вме-сто рациональных политических проектов (хотя бы одно-го) – какие-то шаманские камлания: преестественностьста-бильностьроссиясвященнаянашадержава. И самое главное – как и в случае Чапаева, покоровшего ивановских ткачей, ме-тод имеет успех: по разным опросам, от 8 до 13% телезрите-лей смотрели теледебаты с участием «Единой России» (ко-торая в теледебатах не участвовала), и 69% из них «Единая Россия» понравилась.

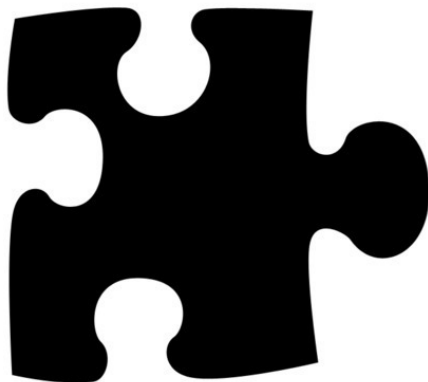
Некоторое время назад обозреватель «Афиши» Лев Да-

нилкин ввел в обиход понятие «хтони» – темной, подземной, иррациональной силы, управляющей жизнью страны. «Ненависть, скепсис или активное участие („кто, если не мы, когда, если не сейчас“) ничего не изменяют, – писал Данилкин в рецензии на гаррос-евдокимовский „Фактор фуры“. – Дело не в том, что в обществе велик процент жлобов, что поколение выбрало буржуазность вместо бунта, не в низком уровне гражданского сознания – а в судьбе, мистическом предназначении этой территории. Россия вырабатывает иррациональность, хаос, хтонь, в этом и есть ее функция». Возможно, это слишком смелое обобщение, но когда я слышу, как серьезные люди обсуждают, знает ли Путин, в чем заключается план Путина, мне кажется, Данилкин был прав. Это говорит Хтонь.

3 декабря 2007

II. Исчезновение стыда

Ученые утверждают, что эволюция рода человеческого продолжается. Люди становятся выше ростом, крепнет иммунитет, от набивания СМС развивается мелкая моторика большого пальца. Наблюдая за нравами российского околокультурного сообщества, можно обнаружить еще одно эволюционное изменение: у людей исчез стыд.

Наш любимый причиндал

Здоровье мужчин

«Вот радость-то какая, светлый праздничек, – писала шесть лет назад в газете „Русский телеграф“ Татьяна Толстая, – вышел первый номер журнала Men’s Health». И двумя абзацами ниже – «Образ мужчины, конструируемый журналом, до воя прост. Это брутальное двуногое, тупо сосредоточенное только на одном: куда вложить свой любимый причиндал». Татьяна Никитична попала в точку: шесть долгих лет Men’s Health писал исключительно про то, есть ли секс после загса и как накачать кубики на животе. Но нынешней весной причиндалу дали укорот.

«Помочь человеку отрешиться от проблем способен расписной поднос из Жостова... Черный лаковый фон символизирует космос с его постоянством» – это рубрика «Медитация». «Чтобы попасть в Шамбалу, не нужно ехать в Китай. Нужно просто купить побольше семечек» – это статья «Проводы в Шамбалу». Рядом рубрика «Инвентарь» – про то, как сделать скворечник: «Если лень пилить и орудовать молотком, возьми трухлявое полено, проделай сбоку дырку-леток и выскобли сердцевину столовой ложкой». Дальше – материал «Живая петля»: «Туалетный утенок упал за стиральную машину и не может выбраться самостоятельно? Достать беднягу поможет эта петля». Рубрика «Поза месяца» начинает-

ся с фразы «Судя по письмам читателей, секс в нашей стране приобретает все большую популярность». Есть еще рецепт смеси «Кастанеда», которую рекомендуется съесть после посещения спортзала (ингредиенты – сыр «Виола», грибы, майонез и чеснок), анатомия пружинного замка со снычом и 16 расшифровок аббревиатуры ГТО (среди лучших – «готов тренировать огузок» и «готов трепетать и охать»).

Феерическое издание, судя по списку сотрудников редакции, возглавляет теперь некто Лин Цзын И. Здесь же фигурирует и главный редактор «Столицы» (последнего призыва) и «Большого города» (первого призыва) Сергей Мостовщиков – в качестве представителя Лин Цзын И в России. «Я не работаю как главный редактор журнала, – говорит Мостовщиков, – моя функция и заключается в том, чтобы найти главного редактора. Речь не идет о смене формата журнала – просто издателю хотелось его немножко освежить. Сделана структура более внятная, на мой вкус, и слегка обновлен коллектив».

На форуме сайта www.mhealth.ru тем временем происходит истерика: «Вместе с мартовским номером в мой дом словно пришел чужой и неприятный человек», «Как могло редактору в голову прийти опубликовать эту „Мурзилку“?» Аудитория брутально-двуногого Men's Health рвет и мечет. «Журнал умер, а точнее, был убит! Знаю одно: это был правильный человек, который знал, как одеваться, как думать, как говорить, как добиваться и ухаживать за дамой». Но, су-

дя по главной странице сайта, самое невероятное глянцево-
издание Москвы продолжает жить. На главной странице –
вопрос для читателей: «И все-таки, как правильно расшиф-
ровывается смешная аббревиатура УЕФА?»»

5 февраля 2008

О, где же ты, кандидат?

Президентские выборы в США

Какое-то сумасшествие с этими президентскими выборами. Все вокруг перемывают кости кандидатам – ни один разговор со знакомыми не обходится без вопроса: «А ты за кого?» Каждое утро я лезу в интернет, чтобы узнать расстановку сил, и каждое утро расклад меняется. Актеры, режиссеры, музыканты разделились на враждебные группировки, даже ведущие на «Эхе Москвы» начали переругиваться – оказывается, их политические предпочтения тоже могут различаться. Одно понятно: окончательный итог сейчас предсказать невозможно, в уравнении слишком много неизвестных.

Речь идет, понятное дело, о выборах в США.

Слежение за нынешней президентской кампанией – занятие бессмысленное, но ужасно захватывающее; впрочем, таких много. Некоторые любят смотреть на огонь или на голосование в конкурсе Евровидения; в наблюдении непрерывных мелких изменений есть что-то медитативное, умиротворяющее. К тому же американские выборы – в отличие от горящих в камине дров или, скажем, выборов российских – такая история, где непонятно, чем дело кончится: азартная то есть история. Даже тибетские монахи-отшельники, усади их смотреть кольцевые мотогонки или церемонию вручения «Грэмми», через полчаса будут обсуждать превосход-

ство Кейси Стонера над Валентино Росси и спорить, не обделили ли наградами Канье Уэста. Мы с вами к президентской кампании США имеем такое же отношение, как тибетский монах к Канье Уэсту: что нам Обама? что мы Обама? Но ведь затягивает.

Конечно же, президентская кампания в США по драматургии гораздо ближе к мексиканскому сериалу, чем к кольцевым мотогонкам. Каждый кандидат – не просто функция, движущаяся фигурка, это мощный, почти мифологический образ, за каждым стоит интереснейшая биография, и разумеется, для нас история замужества Хиллари или военные подвиги МакКейна гораздо важнее, чем их взгляды на систему медицинского страхования (есть подозрение, что и для американцев тоже). Ну и потом, эти люди даже в доведенной до автоматизма кампании ведут себя как люди: говорят глупости, плачут, теряют самоконтроль. Лучшая история, как всегда, про Обаму. Выступая в Нью-Хэмпшире со своей обычной мантрой «Мы одна нация, один народ, и перемена времени...», Обама вдруг прервался: «Ох, я уже второй раз это сегодня говорю... И время перемен пришло!» Неизвестно, сколько голосов это ему добавило (или, наоборот, отняло), – но так, безусловно, интереснее.

Напрашиваются параллели – но любые сравнения будут некорректными. Ну да, в предвыборных кампаниях, как и в футболе, бывает fair play, а бывает не очень – именно поэтому российский чемпионат всегда скучнее английско-

го. Но дело не только в соблюдении правил игры: нынешние американские кандидаты, как ни крути, представляют реальные общественные силы, с четко сформулированными проблемами, интересами и взглядами на будущее. В отсутствие таковых, в ситуации, когда каждый сам за себя и горизонт событий ограничен ближайшей получкой (грантом, слиянием и поглощением), – какая может быть интрига? Чтобы выбирать варианты будущего, нужно их сначала придумать – или же спокойно смотреть, как осуществляется единственно возможный; так некоторые смотрят на огонь.

25 февраля 2008

Гроздь гнева

Почему в Москве не любят Москву

Сложно представить себе номер лондонского Time Out про то, как плохо живется в городе Лондоне. Журнал New York по определению не может выйти под шапкой «Why We Hate New York». В городе Санкт-Петербурге, жители которого совершенно искренне называют его «наш город», такое трудно представить. Сделать журнал о том, что раздражает, бесит, мешает жить в Москве, – нет ничего проще и естественнее; единственная проблема – любой список вещей, которые раздражают в Москве, будет заведомо неполон и слишком мал.

В чем проблема-то? В журнале «Афиша» работают агрессивные снобы? О'кей, допустим, но вообще-то, журнал «Афиша» уже 9 лет водит хороводы вокруг всего хорошего, что есть в столице, – иначе бы такого журнала просто не было. В том, что москвичи не любят Москву? Теплее, но не совсем точно – москвичи любят Москву, только не ту, которая существует сейчас, а ту, которая была в детстве (так считает большинство) или будет когда-нибудь, если снести все старые дома и понастроить на их месте бизнес-центров с подземными парковками (так считает московское правительство). Есть также гипотеза, что никаких москвичей нет, город населяют понаехали-тут-всякие, поэтому не существу-

ет и московского патриотизма. Парадокс в том, что понаехавшие на самом деле не очень-то любят города, откуда они понаехали, а уж люди, оставшиеся в тех городах, как правило, те города совсем уж терпеть не могут. В результате мы имеем многомиллионную массу населения, которая, в общем, гордится своей страной – хотя бы на уровне кричалок про Россию-вперед, но откровенно недолюбливает конкретную географическую точку, в которой живет.

У этого феномена должно существовать научное объяснение – может, у жителей России перестал вырабатываться какой-нибудь гормон, отвечающий за локальный патриотизм, или в ДНК что-то сломалось? Когда редакция «Афиши» затевала этот номер, нам ровно это и хотелось сделать – найти экспертов, которые рационально объяснили бы, почему в Москве не все идет как надо, почему не получается любить этот город, как хотелось бы. Вскоре выяснилось, что универсальное объяснение действительно существует, и оно не имеет отношения к гормонам и генам: собеседники редакции, не сговариваясь, сводили самые разные вещи, которые раздражают в Москве, буквально к трем причинам; есть подозрение, что к этим причинам сводятся проблемы и других городов. Высокая цена на нефть. Отсутствие условий для малого бизнеса. Отсутствие демократических институтов.

Во всех трех вышеперечисленных моментах есть много хорошего – они позволяют огромному количеству людей, не забывая голову политикой, сидеть по восемь часов в офи-

се, копить на новый Opel, а вечером взять пивка и чисто поржать под Comedy Club. Ну то есть жить нормальной человеческой жизнью. Правда, когда выясняется, что возле офиса негде пообедать и припарковаться, что чашка невкусного кофе стоит 200 рублей, а билет на море – минимум тыщу долларов, а на месте детской площадки под окнами начинают строить элитный дом и, главное, нет никаких способов на это повлиять, сразу начинаешь злиться и сильно не любить свой город. Это как в самолете: многим страшно летать, оттого что в самолете (как и в системе управляемой демократии) ты не можешь контролировать, что происходит вокруг. И то, что стюардесса приносит горячий обед и делать ничего не надо, никого еще не заставило полюбить самолет – ну или почувствовать себя в нем как дома.

7 апреля 2008

Международная панорама

Один день в Нью-Йорке

Первое, что я услышал, выйдя на улицу, – песня «Любимый мой, чужой, я буду твоей рабой»: из припаркованного у дверей дома BMW X5 оглушительно орала певица Максим. До центра я доехал на метро, зашел в аптеку – меня немного знобило, спустился в переход у мэрии, остановился послушать, как гитарист играет Окуджаву. Заказал в кофейне большой капучино навынос, девушка за стойкой почему-то спросила, как меня зовут. «Юрий», – ответил я. «Как Каспарова?» – поинтересовался парень, стоявший сзади в очереди. Так начинался день 2 апреля, совершенно обычный день, мой первый день в городе Нью-Йорке.

Так, конечно, удобнее – цепляться за знакомые детали, не замечая различий: смотрите-ка, американцы тоже люди, тоже Окуджаву любят. Проблема в том, что американцы в большинстве своем любят не Окуджаву, а певицу Ханну Монтану, и из случайных мелких сходств совершенно не вытекает, что расстояний, языковых барьеров, культурных различий – не существует, что люди, в сущности, одинаковы, и мир един, и все мы одна семья – или как там пел этот человек из группы U2? Я стоял у площадки ВТЦ и думал, что от песен про общечеловеческие ценности – один шаг до самолетов, врезающихся в башни: может быть, если бы Муха-

мед Атта или Джордж Буш-младший не считали, что мир везде и во всем одинаков (или как минимум должен быть одинаков), если бы они могли посмотреть на вещи с другой точки зрения, глазами другого – может, и башни стояли бы как ни в чем не бывало. Через несколько часов я окажусь в Сохо, в студии художницы и музыканта Лори Андерсон, и она под занавес разговора вдруг скажет, что смысл искусства, собственно, в этом и состоит – менять перспективу, показывать вещи с иного угла, выбивать из человека глупую уверенность, что весь мир устроен в соответствии с его пред-рассудками.

Часть мира, описываемая фразой «Все развлечения Вселенной», из таких предрассудков состоит почти полностью. Одним нравится новое румынское кино, другим винтажные кроссовки. Кого-то радует художник Уистлер, кого-то – фотограф Ричардсон. Фанат певицы Максим никогда не поймет поклонника Окуджавы. Ну и так далее. Самый простой вывод, который можно из этого сделать, – что все дураки, потому что ничего не смыслят в кроссовках Nike (фильмах Кристиана Мунджу, винтажных украшениях, постсоветской фантастике, современной стилевой фотографии и проч.). Но можно подняться чуть выше – и окажется, что все эти мелкие пристрастия складываются в удивительный, невообразимый пазл. Возможно, некоему высшему разуму так интереснее – смотреть на мир сквозь миллиарды глаз, которые видят разное и по-разному. Нынешний номер «Афиши» –

тоже про это: как увидеть один обычный день разными глазами, с самых разных углов. Картина 2 апреля в этом номере – одна миллиардная часть всего удивительного, что происходило в этот день; увидеть этот пазл целиком – не в человеческих силах, но, может быть, нам удалось хотя бы намекнуть, что такой пазл есть, и от его космической сложности и красоты перехватывает дыхание, и все эти наши винтажные кроссовки (и даже, извините, новое румынское кино) на этом фоне кажутся ничего не значащей чепухой, и совершенно неважно даже, что Каспарова на самом деле зовут Гарри.

21 апреля 2008

Завтрак для чемпионов

Культурный туризм

На презентации диснеевских мультфильмов в Нью-Йорке мой сосед, узнав, что я из Москвы, немедленно переходит в атаку: «Я представитель большого коммуникационного агентства, мы ведем бюджеты крупнейших компаний, а вы не можете помочь с билетами на финал Лиги чемпионов?» «Как там у вас с билетами на финал Лиги?» – спрашивают случайные знакомые на фестивале во французском Бурже. Хорошая британская группа, которую мы пытаемся привезти на Пикник «Афиши», сообщает письмом, что не прочь приехать, но не могли бы мы для начала купить для них 5 билетов на Лигу чемпионов?

Помочь иностранным друзьям не удастся – вся квота на Россию, жалкие 5000 билетов, давно уже продана и перепродана. С другой стороны – ну что иностранные друзья дергаются? В финал выйдут две английские команды либо одна английская, одна испанская. Что, иностранные друзья «Манчестер» с «Ливерпулем» дома не видели? Тем не менее, финал Лиги – событие такого масштаба, что ради него все население Манчестера и Ливерпуля готово уехать хоть в Антарктиду (если по недомыслию УЕФА финал будет назначен там). И Антарктида в этом случае автоматически превращается на один вечер в центр мира. Приятно, что ни говори.

Принято считать, что иностранный турист едет к нам, чтобы посмотреть на диковины, которых у него на родине нет, – Кремль, Петродворец, озеро Байкал, концерт ансамбля «Березка». Глупо с этим спорить: конечно, в Риме турист, прежде всего, побежит в Колизей, в Нью-Йорке полезет на крышу Эмпайр-стейт-билдинг, в Петербурге... ну просто будет ходить туда-сюда. Страшная правда заключается в том, что туристы едут не только за этнографическими диковинами, но и за тем, чего на родине туристов, казалось бы, полно.

В Сербии есть такой летний фестиваль Exit, он начинался в 2000-м как частная инициатива трех студентов из города Нови-Сад. В прошлом году там выступали Роберт Плант, Снуп Догг, Beastie Boys и еще приблизительно 200 артистов. На фестиваль, который проходит возле средневековой крепости на берегу Дуная, приехали 200 тысяч зрителей, более половины из них – иностранцы. Правительство Сербии перечисляет в бюджет Exit по 400 тысяч евро в год.

Трудно сказать, имеет ли фестиваль Exit какую-то культурную ценность, но сотни тысяч бюджетных евро определенно не проходят даром – процветают местные гостиницы, развивается инфраструктура, меняется имидж страны. Любое событие такого масштаба – большой кино- или музыкальный фестиваль, выставка Караваджо, матч «Манчестера» и «Ливерпуля» – мощнейший магнит, притягивающий в страну людей (и деньги) со всего мира. Меж тем, с точки зрения властей в России, любое событие такого масштаба

выглядит либо как частная олигархическая инициатива (которой можно не мешать), либо как повод лишний раз наслатъ на организаторов пожарных и санэпидстанцию. Можно, конечно, надеяться, что иностранный турист со временем оценит всю прелесть Фестиваля меда в Царицыно, или питерского праздника «Алые паруса», или иных мероприятий, организуемых госструктурами, – но пока у УЕФА работать над имиджем России получается лучше.

5 мая 2008

Рубашка

Сборная России по футболу

11 июня, на следующее утро после матча Россия – Испания, как известно, проигранного Россией с разгромным счетом, я выложил в блоге «Афиши» фотографию Романа Павлюченко. Нападающий российской сборной шел по улице с девицей, прижимая к груди кожаную сумку модели борсетка, на нем была рубашка невообразимой тигровой расцветки. Я был страшно зол на сборную и лично на Павлюченко – в послематчевом интервью накануне он как-то недостаточно убедительно горевал – и обрушился на них всей мощью праведного гнева: дескать, сборной России ничего не светит, потому что игроки ленивы, нелюбопытны, развращены нефтедолларами и ходят вот в таких рубашках. После этого сборная России выиграла у греков, разорвала на части шведов, теперь ее превозносят английские блогеры, на Павлюченко положили глаз «Барселона» и «Челси», и дураком оказался вовсе не он, а я.

Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате» утверждал: все предложения, не относящиеся к наблюдаемым фактам, бессмысленны. Сдается мне, что предложений, не относящихся к наблюдаемым фактам, на русском языке произносится больше, чем на любом другом. Все бабы дуры. Красота спасет мир. Совсем распустилась молодежь.

Россия поднимается с колен. На днях по телевизору режиссер Виктюк и главный редактор GQ Усков ровно час спорили, стоит ли отвергать старые ценности – или все же надо их придерживаться (я не утрирую, тема была сформулирована именно так). Но это ладно, в проблеме старых ценностей разбираются только Виктюк и Усков, а в футболе более-менее все, потому и общих (читай: бессмысленных) суждений о футболе произносится гораздо больше. Сборная играть не умеет, отечественные тренеры – говно, Гинер все купил. Меж тем из нынешнего Евро очевидно одно: применительно к сборной России, как и вообще к игре в футбол, можно говорить лишь о том, что видел собственными глазами. То, что сборная бездарно играла в защите в одном конкретном матче, вовсе не означает, что сборная состоит из бездарностей. Размер премиальных (прямо скажем, нешуточный) не превращает автоматически Жиркова и Зырянова в зажавшихся миллионеров. Из того, что болельщики после феноменальной победы сборной катаются на крышах троллейбусов и поливают друг друга шампанским, совершенно не следует, что футбол – развлечение для быдла. (Почему, кстати, на всех фотографиях и во всех репортажах с послематчевых народных гуляний – только шампанское? Откуда шампанское? Что за новая мода? Россия поднимается с колен?) Сборная России по футболу состоит из живых людей, у них тоже бывают темные и светлые полосы, им тоже свойственно ошибаться – и об игроке, вышедшем на улицу в не самой удачной рубаш-

ке, нельзя сказать с уверенностью ничего, кроме «Ну вот такая у него рубашка».

«Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, все впереди и всегда будет впереди» – это уже не Витгенштейн, а Михаил Бахтин; ей-богу, эти слова стоит вспоминать всякий раз, когда хочется навесить на кого-нибудь клеймо или просто с умным видом высказать некое окончательное суждение – о мире, политике, бабах или Хиддинке. Никакая из этих сущностей не является завершённой, раз и навсегда данной, и все они – включая мир и баб – еще имеют шанс стать лучше.

А рубашка – даром что Roberto Cavalli – все равно была дурацкая.

30 июня 2008

Милые бранятся Гордон vs. Собчак

Приглашая в свой эфир Ксению Собчак, ведущая радио «Маяк» Катя Гордон вряд ли предполагала, что программа станет самой популярной в истории постсоветского радио. Однако ж перепалка Собчак и Гордон обсуждается уже третью неделю, про нее пишут стихи, на нее делают хаус-ремиксы, блогосфера гудит, сайт «Маяка» бьет рекорды посещаемости – в советской прессе такое называлось «разнузданная шумиха».

Краткая история – на случай если читатель провел последние две недели в пустыне Гоби или на дне морском – такова: ведущая Гордон упрекнула свою гостью Собчак, что та несет в массы низкопробные ценности, попутно сообщив, что сама ведущая Гордон до такого бы в жизни не опустилась, – в ответ на что гостя хладнокровно размазала ведущую, как масло по бутерброду. И все! И ведь, казалось бы, поорали – разошлись, но нет же, тридцатиминутный диалог превратился в нескончаемый джихад с увольнениями, назначениями и открытыми письмами; расшифровку радиопередачи в ЖЖ комментируют с той же дотошностью, с какой средневековые схоласты толковали послания апостола Павла, – казалось бы, с чего бы?

Обе стороны конфликта уже высказались в том смысле,

что это была не просто трамвайная склака, а мировоззренческий спор. Гордон в своем блоге вообще объявила, что с этой передачи началась новая эпоха: дескать, пришли новые герои, для которых важны не бабло и шмотки, а настоящие человеческие ценности. Возможно, мое знакомство с творчеством К. Гордон слишком поверхностно, но из того, что можно назвать настоящими человеческими ценностями, в ее трудах я обнаружил лишь призыв помогать бездомным собакам (которые, к слову, за последний месяц покусали двух моих настоящих человеческих знакомых). Единственное доказательство того, что для Гордон важны любовь и добро (или того, что она, как неоднократно заявлялось, «интеллектуальна и креативна»), – то, что она так о себе говорит: я креативна – и привет. Слова «интеллектуальный» и «креативный» вообще, кажется, выполняют теперь ту же функцию, что «элитный» и «эксклюзивный» в 90-е: они помогают срубить бабла. Образ интеллектуальной, продвинутой аудитории, доступ к которой имеют только по-настоящему креативные медиаперсонажи, действует на инвесторов совершенно завораживающе: под этим флагом можно получать такие бюджеты (и лепить такую залипуху), какие не снились элитно-эксклюзивным медиа 90-х (см. проект top4top или сайт snob.ru, нынешние ночные выступления К. Гордон в эфире Первого канала тоже довольно показательны). В этом смысле новая эпоха действительно наступила, и Ксения, выйдя из «Дома-2» в более осмысленное пространство, выглядит суще-

ством из ушедшего времени, не символом гламура 2000-х, а скорее реликтом лихих 90-х – эпохи «Птюча», газеты «Сегодня» и программы «Кафе «Обломов», когда в ходу были веселый цинизм и легкое скольжение по жизни, а самоирония и острый язык ценились больше, чем пафос и надутые щеки. Кажется, условные Гордон и Собчак – это вообще разные породы людей, их отличие лежит слишком глубоко, оно не зависит от таланта, политических позиций или художественного вкуса. Можно даже поиграть в игру: ты кто, Гордон или Собчак? Юрий Шевчук, к примеру, скорее Гордон, Илья Лагутенко – определенно Собчак. Доренко – чистый Собчак, Дибров – откровенный Гордон. А вот Дима Билан кто? А писатель Дмитрий Быков? Чулпан Хаматова? В конце концов, журнал «Афиша»? Нет, правда, интересно.

28 июля 2008

Пока ты спал

Война в Южной Осетии

Утром 19 августа 1991 года мой университетский приятель по прозвищу Густав вышел из общежития и отправился в магазин: жена попросила купить яиц. В ближайшем гастрономе, как было заведено в ту пору, яиц не было, не было вообще ничего. Густав доехал на метро до станции «Тверская», отыскал вожаделенные яйца в «Елисейском» и собрался было домой – но тут пошел дождь, Густав решил переждать под козырьком. Вдруг со стороны Кремля появилась толпа возбужденных людей – Густав решил выяснить, что к чему, и пристроился под чужой зонтик. Так до Белого дома и дошли. Там Густаву выдали респиратор и записали в защитники демократии, чуть ли не в первую пятерку. Прижимая к груди яйца и респиратор, ничего не понимающий Густав выбрался из толпы и побежал домой: жена заждалась.

Начало новой исторической эпохи – если только новая эпоха не падает на твой дом в виде авиабомбы – отследить почти невозможно. Это только в кино все сразу ясно: солнечный день, веселые лица, мирное небо над головой, и тут – резкая монтажная склейка – по радио объявляют, что в Чехословакию ввели танки, небо затягивается тучами, герои просыпаются в совсем другой стране. Тот же эффект присутствия воспоминаниям: сейчас кажется, что 19 августа 91-го все как

один пошли на баррикады, а 17 августа 98-го бросились скупать крупу. На самом деле большинство психически здоровых людей вполне себе буднично работали, смотрели телевизор, ходили в гости – а когда пошли за крупой, крупы уже не было.

В дни конфликта в Осетии многие жаловались: дескать, невозможно понять, что происходит, CNN говорит одно, канал «Вести» – нечто прямо противоположное. Но это как раз естественно: так устроена любая информационная война (включая, скажем, войну олигархов с правительством середины 90-х). Гораздо неуютнее от невозможности понять, ЧТО ПРОИСХОДИТ в глобальном смысле – пока жизнь продолжает идти, как будто ничего не случилось. Пока мы тут работаем, отдыхаем, ходим в магазин за яйцами – не началась ли новая глава из будущего учебника истории, и если да, то про что в этой главе будет написано? Про большую войну за восстановление СССР, про эпоху международной изоляции России, про третью мировую – или про счастливую историю новых кавказских республик? Как мы будем вспоминать «ноль восьмое – ноль восьмое» – как день, после которого началась совсем другая жизнь, или как просто обычный день?

Хотя вряд ли как просто обычный. Я могу сказать, когда меня накрыло, – когда стало понятно, что происходит нечто дикое и непоправимое; это было, кажется, уже в тот момент, когда объявили окончание боевых действий. В но-

востях показывали Цхинвали, сгоревший разрушенный дом, потом камера чуть отъехала, и появилась стена, а на ней нарисована веселая мышка: сгоревший дом раньше был детским садом. И это была точно такая же мышка, как в моем, или в вашем, или в любом советском детском саду; люди, которые сейчас убивали друг друга, – это не какие-то инопланетяне или черти рогатые, все они в детстве читали «Денискины рассказы» и смотрели «Гостью из будущего»: одни советские люди убивали других советских людей. В этом есть что-то непоправимо неправильное – и даже неважно, началось это утром, когда установки «Град» били по Цхинвали, или утром, когда Густав ходил за яйцами, или еще раньше, в Карабахе; все равно кажется, что трещина в мироздании стала в эти дни еще глубже, просто до нашего дома пока не доползла.

25 августа 2008

На сложных щах

Последний Пикник «Афиши», как известно, побил рекорды посещаемости (55 тысяч человек, не шутка), но основная (или, по крайней мере, самая заметная) часть публики осталась прежней – и нет, это не те же самые люди, что ездят на «Нашествие». Эти люди носят узкие джинсы или цветные лосины, отращивают челки, надевают большие очки без диоптрий, в прошлом году у них были в ходу геометрические принты, теперь их сменила клетка и футболки старых рок-групп, их (то есть нас, чего уж там) регулярно можно застать в «Винзаводе», магазине [битая ссылка] «Республика» или клубе [битая ссылка] «Солянка» (это если в Москве), в кармане у них молескин, в руке пленочная мыльница – в общем, понятно, о ком идет речь, хотя подходящего слова в русском языке для этих людей так и не появилось: инди-киды? хипстеры? модники? Факт наличия в больших городах людей с лосинами и молескинами – давно не новость, но вот дикое раздражение, которое они начали вызывать у всех вокруг – и не только в российских столицах, – это что-то новое.

Нью-йоркский Time Out печатает специальный номер под заголовком «Почему хипстеры должны умереть» (по версии Time Out, если хипстеры этого не сделают, Нью-Йорк превратится в вялое болото). Журнал Adbusters (тоже вполне себе цветнолосинный) печатает огромный злющий материал

«Хипстеры: тупик западной цивилизации»; смысл в том, что хипстеры – первая в истории Запада молодежная субкультура, которая ни к чему не стремится, ни о чем не мечтает, не протестует, не бунтует, не изобретает, не меняет жизнь; хипстеры – самовлюбленные твари, которым вообще ничего не надо, кроме как следить за потоком новых трендов и снимать себя, любимых, на пленочную мыльницу. В русской блогосфере к посетителям Пикника предъявляют претензии менее философского толка; и гламопидорасы – еще не самое жесткое выражение, каким описывают эту трудноопределимую субкультуру.

Справедливости ради, хипстерам тоже много чего не нравится. Цветные лосины, как правило, подразумевают позицию неучастия, желание в известном смысле жить не по лжи – дескать, мир во зле лежит, кругом гламур, пиар, бабло, вертикаль власти и принуждение к миру, а мы от этого загородились молескином и потихонечку пляшем под спейс-диско. Люди, принадлежащие к миру бабла и гламура, самовлюбленны и неискренни, они судят других по моделям машин и маркам сумок, они состоят из понтов и стремления перещеголять друг друга, они дико пафосные и ужасно невежественные – конечно, с такими нам не по пути, уж лучше к своим в «Солянку».

А теперь посмотрим, какие пункты обвинения предъявляют хипстерам. Они самовлюбленны и неискренни. Судят других по моделям айподов и маркам очков. Состоят из пон-

тов и стремления перещеголять. Дико пафосные и ужасно невеселые. Вчера я наткнулся в одном журнале на беседу одной важной светской красавицы с художником Куликом: красавица в основном говорила о том, как для нее важны позитив и креатив, новые яркие впечатления, внутренняя гармония и прочее, в принципе под этими словами могла бы подписаться любая девушка, покупающая в «Республике» книжку Паланика и всей душой ненавидящая гламур. Единственное отличие между Ксенией Собчак и условным модником в том, что Собчак никогда не будет отрицать, что принадлежит к миру бабла, а модник-индивидуалист ни за что не согласится, что он – один из ЭТИХ.

Никто не презирает хипстеров больше, чем сами хипстеры.

8 сентября 2008

Сраму не имут

Исчезновение стыда

Даже в общественных местах этим летом творится нечто невообразимое: в «Ашане» люди, называющие себя современными художниками, инсценируют казнь гастарбайтеров, на презентации фильма «Гитлер капут!» выставляют столы в форме свастики, на вечеринке в честь запуска московского журнала «Собака» разливают водку «Еврейский стандарт». Скорей бы уж, что ли, включили коллайдер.

Ученые утверждают, что эволюция рода человеческого продолжается. Люди становятся выше ростом, крепнет иммунитет, от набивания СМС развивается мелкая моторика большого пальца. Наблюдая за нравами российского околокультурного сообщества, можно обнаружить еще одно эволюционное изменение: у людей исчез стыд.

Спиноза в «Этике» определяет стыд как «неудовольствие, сопровождаемое идеей какого-либо нашего действия, которое другие, как нам представляется, порицают». С точки зрения эволюции, стыд как раз помог человеку стать человеком – то есть научиться удерживать себя в некоторых моральных рамках, ладить с окружающими, не выглядеть в их глазах полным идиотом и отщепенцем, учиться на собственных ошибках и т. д. В общем, как говорил однажды в криминальной телехронике дальневосточный вор в законе, «если

ты спотыкнулся, приди и скажи братве: «Братва, я спотыкнулся».

Так вот, механизм больше не работает: в 2008 году никаких угрызений совести ни по какому поводу никто уже не испытывает. Вот кинокартина «Гитлер капут!», которую нормальные люди, раз уж им случилось такое снять, должны бы немедленно зарыть в глухом безлюдном месте, но нет, создатели блистательной киноработы печатают рекламные билборды, запускают роботов-комментаторов, которые гадают в киносообществах ЖЖ: «Приветик, видел классный фильм, „Гитлер капут!“ называется!» – а на предпремьерном фуршете расставляют столы в форме свастики. А вот новый для московского рынка журнал «Собака», чья обложка украшена остроумной фразой «Статус-тест: лох или бог?» и розово-золотой фигурой, которую православные фундаменталисты могли бы счесть карикатурой на Иисуса Христа. Что ж, дело житейское – новый проект, дедлайны поджимают, мозги закипают; вот, кстати, издатель журнала ЖЖ завела – наверное, чтобы сообщить: дескать, братва, мы спотыкнулись? Но нет, издатель завела ЖЖ лишь для того, чтобы обложить х... ями журналиста Красовского, который в собственном ЖЖ обложил х... ями первый номер «Собаки». Люди творят откровенные подлости или глупости, над которыми потешается (вариант: их проклиняет) полстраны – а им всё божья роса. Так называемые протестанты, которые пишут доносы на канал «2x2», – будут ли у них на душе скрести

кошки, если у «2x2» отберут частоту в пользу неизвестных пока конкурентов? Не думаю. Арт-группа «Война», члены которой размахивают членами перед фотокамерами и объявляют это современным искусством, – не закрадывается ли у них сомнение, что в их жизни что-то не так? Судя по тому, что группа «Война» только что инсценировала перед фотокамерами казнь гастарбайтеров (это у них, опять же, перформанс), – нет, не закрадывается. И так далее, и так далее.

Исчезновение стыда, опять же, можно объяснить естественным отбором – фигуранты окологкультурного сообщества долго учились прятать неловкость за свои действия, иначе инвестор денег не даст, и в результате перестали ее испытывать вовсе. Тут можно порассуждать об изменившейся роли критического дискурса или об отсутствии безусловных нравственных авторитетов – но проникательный читатель наверняка заметит: а ты, уважаемый автор, сам, что ли, не спотыкался? Это не ты ли писал: «...» (нужное вставить)? Разве не журнал «Афиша» ... (нужное вставить)? Ничего не остается, кроме как ответить словами живого классика: «Дружок, я все знаю, я сам, брат, из этих, но в песне не понял ты, увы, ничего!»

22 сентября 2008

Эй, начальник!

Антивоенные концерты «ДДТ»

Я впервые увидел его вблизи почти десять лет назад в студии «Нашего радио». Он пришел в прямой эфир поздно вечером – накануне концерта в Горбушке – и на вопрос наивного слушателя, чего ожидать от завтрашнего концерта, рассказал историю про композитора Соловьева-Седого, который на каком-то важном собрании в Доме творчества в Репино вылез на сцену, расстегнул ширинку и провозгласил: «А сейчас, товарищи, я вас всех обоссу!» «Вот так и я... на завтрашнем концерте... ха-ха!» – разразился фирменным хрипловатым смешком гость студии, лидер группы «ДДТ» Юрий Юлианович Шевчук.

Нет ничего приятнее, чем пересказывать истории про шевчуковские чудачества – на случай паузы в застольной беседе в запасе у меня всегда есть несколько. Как все на том же «Нашем радио», когда журналисты попросили его почитать что-нибудь из нового, Шевчук, растянувшись в кошачьей улыбке, выдал: «Я четвертую власть оттрахал бы всласть!» Как на концерте в «Олимпийском» Шевчук выпустил на сцену полуголых девиц в блестках и перьях, а потом бухнулся перед ними на колени и начал бить земные поклоны. Что далеко ходить – вот фотография из сегодняшнего «Коммерсанта»: Шевчук поет, натянув прямо поверх очков омов-

ский вязаный шлем.

Рассказы про шевчуковские чудачества пользуются успехом – но если я вдруг говорю, что мне всерьез и давно нравится группа «ДДТ», окружающие смотрят на меня так, будто я нацепил поверх очков омоновский шлем. Шевчук неудобен, неуместен и вызывающе немоден, в нынешнем медийном пространстве, сплошь состоящем из затверженных церемоний и фигур умолчания, он словно слон в посудной лавке: лезет спасать народы, проповедует «сопливый интеллигентский пацифизм» – как сам же сформулировал свою позицию в одном из интервью. В нем все чересчур и все не ко времени – и брюс-спрингстиновский стадионный рок, и песни под гитару в Переделкино; почти что в каждой его песне есть строчка, которая ну совсем не в Красную армию: я оценил размах японского сортира! Ослепительных приборов нужно больше, господа! Трон лжи не устоял!

И вряд ли стоит тут описывать веселую отчаянную дрожь, которая накрывает меня всякий раз, когда я слышу этот наждачный голос – с тех самых пор, когда в 88-м мне принесли катушку, подписанную по-шевчуковски нелепым названием «Концерт в Шушарах», – все это субъективно и, в общем, недоказуемо. И то, что устройство здешней жизни наиболее адекватно описывается именно его строками, сучковатыми и покосившимися, словно деревенский забор, – наверное, на сей счет могут быть другие мнения. Но есть несколько безусловных вещей, которые принято как-то не замечать.

Что Юрий Шевчук – самый популярный в России артист после Цоя. Что группа «ДДТ» – единственная, кто в последние двадцать лет может на раз-два собрать площадку любого размера в любом городе страны. И что сейчас именно этот человек, устроивший огромные антивоенные концерты в обеих столицах, оказался единственной публичной персоной, кто внятно и открыто сказал: ребята, ваша внезапно пробудившаяся национальная гордость, поднимание с колен, размахивание кулаками и угрозы соседям – все это верный путь к большой беде. «Мир катится в сторону зла, и ничего хорошего я в этом не вижу».

И это уже на чудачества не спишешь.

6 октября 2008

Атлант пожимает плечами

Кризис

В советских семьях был обычай – собирать газеты, вышедшие в день важных исторических событий: в папку на антресолях складывали первые полосы «Правды», извещающие о полете Гагарина или убийстве Кеннеди, фотографию Брежнева в траурной рамке и антиалкогольный указ. Предполагалось, что потомство будет смотреть на пожелтевшие полосы и вдыхать, так сказать, воздух времени – и да, потомство вдыхало. Я сам пару раз пытался сохранить особо ценные экземпляры – «Независимую» начала октября 93-го с белыми пятнами от материалов, вымаранных цензурой, или особо ценные полосы, произведенные отделом искусств газеты «Сегодня». В этом октябре, несмотря на отчетливый привкус конца эпохи, заметных первополосных заголовков не появилось; если бы кому-то пришла мысль законсервировать для потомства уходящую натуру октября-08, стоило бы, пожалуй, купить второй номер журнала Tatler и вырезать двухполосную статью о свадьбе некоего российского предпринимателя и девушки, «которую он встретил в Барселоне на концерте Димы Маликова»: про невесту, кроме этого, сообщается, что на ней было бриллиантовое кольцо общим весом 88,8 карата – а брачный договор был подписан ручкой стоимостью триста тысяч евро.

Есть подозрение, что буквально через несколько месяцев эти строки будут выглядеть документом давно ушедшей эпохи: все к тому, что брачующимся придется перейти на более дешевые ручки, возможно также, что сообщения о стоимости элитных ручек в массовой печати будут выглядеть не очень уместными – а может, печатать их и вовсе будет негде. Сообщения о надвигающемся кризисе средний класс двух столиц встречает если не с радостью, то с заметным облегчением: ну наконец-то, доигрались, суки, есть и божий суд, припомнят вам еще ручку за триста тыщ. Облегчение (если не радость) базируется на простой предпосылке: это они – алчные девелоперы, биржевые спекулянты, заигравшиеся воротилы с Уолл-стрит – во всем виноваты, это они строили пирамиды, надували пузыри, попили нашей кровушки, вот теперь отольются кошке мышьи слезки.

За всеми проклятиями забывается тот факт, что спекулянты и воротилы отчасти и построили мир, где мы живем, – и если мир этот рухнет, то накроет не только воротил: они как-нибудь перезимуют – ну будет на следующей свадьбе ручка не за триста, а за три тыщи евро, а вот ликующему среднему классу, может статься, будет не на что купить сарделек к ужину. В нынешнем ликовании по поводу чужих бед много того, что Ницше называл словом *ressentiment* – ненависти к более сильным и успешным, – даром что сильные и успешные сделали все, чтобы этот *ressentiment* заслужить. Пускай Москва-Сити стоит недостроенным, лишь бы деве-

лоперам не на что было жрать икру; подробности – в тысяче с чем-то комментариев, оставленных в ЖЖ президента компании Мiгах Полонского в ответ на обращение к журналистам – дескать, братья, сплотимся в трудную минуту; того самого, заметим, Полонского, что прославился фразой «У кого нет миллиарда, могут идти в жопу».

Вот мы и идем – радуясь тому, что в кои-то веки идем вместе с девелоперами и воротилами в одну сторону, другой стороны просто нет.

20 октября 2008

Сапожки

Дело Бахминой

Волею судеб меня снова занесло на радио – я неоднократно зарекался работать радиоведущим и неоднократно зарок нарушал. В прошлый раз я пошел устраиваться на только что открывшееся «Наше радио» от общей апатии и безденежья на пике кризиса 98-го – теперь все вышло наоборот: сначала мне позвонил Сергей Доренко, только что назначенный главным редактором «Русской службы новостей», а безденежье и апатия, видимо, наступят потом. Но есть и положительные моменты: после новостей на Gazeta.ru или «Эхе Москвы», из которых в столицах принято узнавать о мире, переключение на «РСН» действует отрезвляюще. И дело не в том, что на «Русской службе» в отличие от «Эха» не имеют обыкновения часами разговаривать на тему «Интеллигенция и власть» или «Возможно ли объединение оппозиционных сил», – дело в слушателях, которые звонят в эфир. Лояльную аудиторию «Эха» по-прежнему живо интересует, сможет ли Явлинский договориться с Гайдаром и что об этом думает Чубайс. На «РСН» звонят другие.

Как-то на неделе я включил «Русскую службу» по дороге домой – там обсуждали дело Бахминой. Ведущие вполне нейтрально рассказывали о том, как юристу ЮКОСа Светлане Бахминой дважды отказали в условно-досрочном осво-

бождении, хотя по всем законам божеским и человеческим она должна его получить: отсидела без нарушений больше половины срока, дома двое маленьких детей, сама Бахмина на восьмом месяце беременности, и ничем, кроме хвататель-но-душительного рефлекса, который возникает у представи-телей власти при слове «ЮКОС», объяснить отказ невоз-можно. Ну и, дескать, что вы думаете об этом, дорогие слу-шатели. Позвонила женщина: «А что, ваша Бахмина контра-цептивами не умеет пользоваться?» Потом мужчина: «О де-тях надо было думать, когда деньги народные воровала». По-том еще один: «Я сам четырнадцать лет срока отмотал и вот что скажу – вор должен сидеть в тюрьме». И так далее: «мы не понимаем, зачем эта разнузданная шумиха»; «кампания вокруг Бахминой щедро проплачена»; «правосудие должно быть неотвратимым». Я в этот момент был за рулем – мне хотелось въехать в столб.

Под занавес кто-то робко пробормотал про милость к пад-шим, но население страны (по крайней мере та часть, что состоит из условных слушателей «РСН») этой милости, очевидно, не испытывает: населению и самому несладко, и чувств добрых в нем давно уж никто и не пытается пробуж-дать. Но страшно даже не это – страшно, что им искренне кажется, будто доброе слово, просьба о помощи, любое про-явление жалости, милосердия, элементарной человеческой доброты не могут быть просто так. Они обязательно щедро проплачены. Или являются частью разнузданной кампании.

Или все это придумано, чтобы лишний раз пропиариться.

В рассказе «Сапожки» – одном из рассказов Шукшина, которые ставит сейчас в Театре наций рижанин Алвис Херманис, – герой, приехав в райцентр, вдруг решает купить же- не красивые сапоги. И страшно переживает, подойдут ли, и беспокоится, что дорогие, и представляет, как она обраду- ется. Покупает – а сапожки на ногу не налезают. И он уходит расстроенный курить на крыльцо – а жена зовет его так лас- ково-ласково. «Сергей встал, загасил окурочок и пошел в гор- ницу. <...> Но не подумал так: „Купил сапожки, она ласко- вая сделалась“. Нет, не в сапожках дело, конечно...»

«...Не подумал так: «Купил сапожки, она ласковая сдела- лась» – вот это начисто потеряно, увы.

3 ноября 2008

Сияние

Бессмертие Магомаева

Все, что известно о его последних годах, относится к области недостоверных слухов. Говорят, у него была одна из самых больших коллекций старого кино: зубры Горбушки, когда им заказывали что-то редкое, переписывали фильм у Магомаева. Говорят, он часто появлялся в форуме на собственном сайте – иногда ради того, чтобы пожелать юзерам спокойной ночи; ему можно было показать свои стихи или попросить совета по житейским делам – и он отвечал, оценивал, советовал; самым поверхностным поиском по блогам можно найти совсем юных людей, детей почти, которые чувствуют себя осиротевшими, оттого что к ним на связь не выйдет больше человек под ником МММ. Что точно известно – он жил в Леонтьевском переулке напротив азербайджанского посольства, занимался рисованием и много курил.

Из разрозненных слухов складывается образ, вполне адекватный наступившим временам: вот он сидит перед плазменной панелью, где мутузит врагов какой-нибудь Чак Норрис, затягивается десятой за вечер «Мальборо» и выстукивает на клавиатуре «Всем чмоки в этом чате». Многим уютнее от сознания того, что последние годы он провел в размягченно-расслабленном, лениво-сибаритском режиме. Но его

голос, который и в формате mp3 остается таким же твердым, властным, беспрекословным, дает понять, что это не так: он был человеком принципиально иной природы.

Можно сказать «талант» и на том успокоиться – но Максим Галкин тоже талантлив. Авторы, близкие к газете «Завтра», считают, что он был осколком Великой империи, хранителем ее духа – но с Магомаевым, даже когда он исполняет «Малую Землю», плохо вяжется все велико-советско-державное; возможно, поэтому уход Магомаева не вызывает обычных ностальгических переживаний – вот, дескать, раньше трава была зеленее и девки красивее. Известие о его смерти выглядит как сообщение о некоем величественном природном явлении – вроде схода ледника в Кармадоне.

Биография часто определяется не тем, что человек делает, – а тем, чего не делает: у Магомаева в этом смысле было почти античное чувство меры. Он всегда знал, где остановиться – так, чтобы потом не было стыдно: дружил с властями, но ничем не был им обязан, пел песни Гензбура и Сонни Боно – но через запятую с «Огромным небом» и «Вдоль по Питерской», не участвовал в «Неголубых огоньках» и «Старых песнях о главном», не фигурировал в капустниках, но и серьезным был до определенной степени – его пародии на Бейбутова и Бюль-Бюль оглы нетрудно найти на YouTube. И преждевременный его уход со сцены тоже, как кажется сейчас, не связан ни с изменившимся временем, ни с тем, что хотелось остаться в памяти молодым и краси-

вым: просто дело было сделано ровно в той степени, в какой было нужно, продолжать записываться и выступать значило нарушить естественную гармонию.

Эта естественная гармония была не следствием сухого расчета, а – в полном соответствии с античным духом – живой стихийной силой. В нынешней русской попмузыке солнце фигурирует как естественный заменитель турбосолярия – оно существует для того, чтобы под ним загорать или, простите, зажигать; голос Магомаева похож на солнечный свет, какой он есть на самом деле, – способный подарить жизнь или иссушить до смерти. Песню про луч солнца золотого сейчас вспоминают не только из-за того, что «Бременских музыкантов» все видели: голос Магомаева – и есть тот луч, светлый, страстный, страшный; его можно игнорировать, не замечать, жить так, будто его давно уже нет, – но сияние обрушится вниз, станет твоей судьбой.

17 ноября 2008

Нейлон 100%

Кризис экономики желаний

Нейлоновые рубашки. Мотоциклы «Иж-Юпитер». Кристалинская с песнями Пахмутовой. [битая ссылка] Книжка Леонида Парфенова про 60-е читается как собственный семейный фотоальбом: даже тем, кто родился лет через ... дцать после Карибского кризиса, рубашки и мотоциклы кажутся подозрительно знакомыми. «Неисчерпаемый источник национальных традиций» – так Парфенов определяет в предисловии позднесоветский период (определение, кстати, само выглядит как цитата из поздравления ЦК писателю-юбиляру из закавказской республики); и да, источник действительно неисчерпаем – универсальных примет эпохи, память о которых пережила смену исторических формаций, хватило бы на несколько таких книг. Общую на всех память о вещах вроде бы несерьезных объяснить несложно: нейлоновым рубашкам удалось внедриться в ДНК нации благодаря тому, что такие рубашки были у всех, а других ни у кого не было; описываемые Парфеновым вещи объединяли потому, что без них не мог обойтись никто (ну почти никто). Представить хотя бы одну такую книгу про Россию 2000-х, даже вдвое меньшего объема, практически невозможно.

Виною тому, понятно, «длинный хвост», но, кроме замеченного главредом Wired Крисом Андерсоном бесконечного

разделения на субкультуры, есть другиеотягчающие обстоятельства – к примеру, имущественный разрыв или отличающаяся в разных регионах доступность интернета. Так или иначе, причины этого разноцветия сводятся к тому, что известная часть населения живет последние годы в экономике желаний, чей основной закон звучит так: любой каприз за ваши деньги. Посмотреть все фильмы про зомби? Жениться на Наоми Кэмпбелл? Съехать с пика Коммунизма на велосипеде? Полететь в космос? Запросто – вопрос лишь в ценнике, но и деньги при наличии усердия и изворотливости тоже дело наживное (см. истории успеха в журнале CEO). Только что вышедшая книжка главного редактора GQ Николая Ускова «Зимняя коллекция смерти» показывает, как устроена жизнь в этой системе, это книжка про человека, чьи любые желания, в принципе, исполнимы – ее герой, тоже главный редактор мужского журнала, уже на первых страницах оккупирует первый ряд на миланском показе Dolce & Gabbana, скачет на танцполе в компании Пенелопы Крус, а утром отправляется чистить зубы, «облачившись в пушистый белый халат с золотым гербом отеля и прижав неумный пенис поясом к животу».

Желания, в свою очередь, обладают двумя особенностями: они у всех разные (что, собственно, и лишает страну общей культурной памяти) и они никогда не исполняются до конца (что позволяет системе не сбавлять оборотов). Одна часть системы работает над тем, чтобы заставить аудито-

рию чего-нибудь захотеть, – другая зарабатывает на том, что исполняет желания. Кажется, так было всегда – но парфеновский альбом дает понять: еще недавно жизнь была устроена совсем иначе; перед людьми, покупавшими «Иж-Юпитер», не стоял вопрос, чего бы им, в принципе, хотелось; они брали, что дают. Эти времена, бог даст, не вернуться – но все идет к тому, что от экономики желаний нам неизбежно придется перейти к экономике необходимости, где главный вопрос не «чего мне хочется?», а «без чего я не могу обойтись?». Странно будет, если окажется, что без японского гаражного панка, миланского показа D&G и бракосочетания с Наоми прожить, в принципе, можно, а вот без песен Пахмутовой в исполнении Кристалинской – никак нельзя.

1 декабря 2008

Квант милосердия

Сверхновый минимализм

Год назад в этой колонке [битая ссылка] Александра Боярская продвигала белые футболки в качестве альтернативы навороченным дизайнерским вещам, а Борис Акимов жаловался на отсутствие самой простой еды: домашнего творога, деревенской картошки, подосиновиков и карасей. С тех пор А.Б. и Б.А., бывшие тогда обозревателями «Афиши», занялись другими волшебными вещами, карасей в широкой продаже не появилось, а тоска по простым вещам, которую окрестили в журнале «новым минимализмом», приобрела какое-то иное качество: во-первых, для многих футболки без принтов и картошка с укропом перешли из ранга очередного каприза в разряд печальной необходимости, а во-вторых, всеобщее опрощение в известном смысле состоялось помимо всякого кризиса – и вовсе не в области футболок и карасей.

По обложкам английских журналов всегда можно понять, кто сейчас главный герой: в конце августа, когда я был проездом в Лондоне, первенство по количеству обложек уверенно держал не принц Чарлз, не Пэрис Хилтон и даже не Барак Обама, а гитарист группы AC/DC Ангус Янг. 63-летний музыкант в вечной школьной форме всю жизнь играет одно и то же – простой, как два пальца, тупой и безотказный тяже-

льный рок. Альбом AC/DC [[битая ссылка](#)] «Black Ice» (ничем не отличающийся от предыдущих) оказался безусловным Главным Бестселлером Года (притом что он не продавался в формате mp3), единственным конкурентом – не в разделе «Хеви-метал», а среди всей музыки вообще – был [[битая ссылка](#)] новый альбом Metallica. Теория длинного хвоста, обещавшая множество мелких субкультурных радостей взамен больших всемирных хитов, незаметно задвинута в сторону: кого волнуют проблемы планктона, когда решается, кто сильнее – слон или кит?

И так – везде и всюду. Американской киноакадемии в этом году придется выбирать между фильмом про человека – летучую мышь и мультфильмом про робота-мусорщика, более сложно организованная часть аудитории в качестве пощечины общественному вкусу выбирает [[битая ссылка](#)] «Перевозчика-3» («покатушки с раздеваниями и мордобоем», по определению [[битая ссылка](#)] Р. Волобуева) или мюзикл [[битая ссылка](#)] «Мамма миа!», в котором солидные актеры предпенсионного возраста валяют совсем уж неприличного дурака. Едва ли не самой обсуждаемой книгой года, если не принимать во внимание [[битая ссылка](#)] парфеновский нон-фикшн (тоже, прямо скажем, не Роб-Грийе), оказывается [[битая ссылка](#)] «Террор» Дэна Симмонса – роман в конечном счете про то, как чудовище вида ужасного лопаёт по одному застрывших в Арктике моряков. Столичные рестораторы, позабыв своих лучших друзей – лобстера и фуа-

гра, бросились открывать чебуречные, пельменные, в лучшем случае – заведения с традиционной водочной закуской. С кризисом или без него – мы стремительно впадаем, как в ересь, в неслыханную простоту.

Но учитывая кризис, как говорили в мультфильме про Простоквашино, от этой картины может быть большая польза. Во-первых, когда мир входит в зону турбулентности, хочется опереться на что-то простое и надежное – а [битая ссылка] Сталлоне с AC/DC тут как тут. А во-вторых, если осознанно и грамотно подать этот сверхновый минимализм, с его помощью можно много чего оправдать: так, недавно встреченный мною телепродюсер А.Г.Казаков, имея в виду, что новые программы вскоре придется снимать за три копейки в одних и тех же декорациях, говорил: «У нас отличный шанс вернуться к истокам, к американскому телевидению 60-х». И у кого нет сейчас шанса вернуться к истокам – пусть первый кинет в него камень.

15 декабря 2008

III. Сразу предупреждаем – денег не будет

В Москве, даже в отсутствие моря, можно купить яхту размером с авианосец «Энтерпрайз» – но нельзя купить возможность просто погулять около дома. В Москве, сколько бы ни было у тебя пентхаусов, нельзя выйти из дома в туфлях на босу ногу, зайти в кафе на углу, выпить вкусный кофе со свежим круассаном, обсудить с барменом вчерашний футбол, пожелать доброго дня девушке за соседним столиком и чтобы она улыбнулась в ответ.

Мой компас земной

Барак и Кирилл

Он не похож на своего предшественника. Он говорит на нормальном человеческом языке и открыт к диалогу. Он спокоен, уверен в себе, честен и умен. Он выиграл избирательную кампанию благодаря новым медиа, которые позволили ему напрямую обращаться к избирателям. Он любит музыку и занимается спортом. У него добрая, располагающая к себе улыбка. Он прекрасный оратор, на этой должности – лучший за десятилетия. Он понимает, в какой тяжелый момент приходит к власти, – и почему-то кажется, что с ним пережить его будет немного проще. Его избрание – это новая надежда; и слово «избрание» здесь многим хочется понимать не только как результат голосования, но и как миссию, которую возложило на него провидение.

Несложно проводить параллели между Баракком Обамой и патриархом Кириллом. Достаточно того, что церемония приведения к власти в обоих случаях воспринималась как абсолютно религиозное, мистическое событие (в случае Обамы даже в большей степени). Экзальтация, вызываемая новым президентом США, достигла таких масштабов, что невольно вспоминается «Краткая повесть об Антихристе» Владимира Соловьева (НЕ телеведущего): «...когда же он явился на трибуне во всем блеске своей сверхчеловеческой

юной красоты и силы и с вдохновенным красноречием изложил свою универсальную программу, увлеченное и очарованное собрание в порыве энтузиазма без голосования решило воздать ему высшую почесть избранием в римские императоры». Но даже если на челе Обамы к концу второго срока не проступит печать зверя, прозвище Американский Горбачев ничего хорошего не обещает. И дело даже не в том, что либерализация, модернизация, открытость – все, чего ждут от Барака (да впрочем, и от Кирилла), – на фоне экономического хаоса приводят к последствиям, известным по истории Горбачева советского. Дело в надеждах.

Надежды – это то, из чего состоит Обама, то, что вызвало его к жизни. Обама настолько выламывается из общего ряда американских первых лиц – и не столько в силу цвета кожи, – что от него поневоле ждешь чего-то такого, на что его предшественники были не способны; кажется, что именно этот адекватный, здравомыслящий, улыбчивый человек сможет все устроить, как надо. К чести Обамы – в отличие от того же Горбачева он ясно осознает границы своих возможностей и склонен отвечать за базар. И видимо, способен понять, что оправдать надежды, которые сейчас на него возлагаются, не под силу ни одному человеческому существу.

Интернет-журнал Slate уже успел пошутить, что Обама стоило прервать инаугурационную речь на фразе о всеобщем страхе, что закат Америки неизбежен, – уйти и оставить всех в слезах. Но честность Обамы имеет границы. Даже созна-

вая, что мир летит в тартарары по неизвестной науке причине, что мировой финансовой системы уже практически нет, а вслед за ней, не исключено, аннигилируется и весь миропорядок, основанный на капитализме и глобализации, – даже в этот момент (и тем более в этот момент) он не может отнять у людей надежду, он не в состоянии сказать: «No, we can't». И единственно верный совет в этой ситуации способен дать скорее не новый президент, а новый патриарх – представитель организации, с точки зрения которой мир летит под откос с момента изгнания Адама из рая и у которой большой опыт по части подобных советов: «Молись и кайся».

Егор Летов однажды сказал: «Иногда мне кажется, что самое сильное и настоящее – это отказаться от надежды. Вот тогда-то, может быть, все и начнется».

9 февраля 2009

Живот кинозрителя Смерть кинопроката

В канун Дня защитника Отечества только и разговоров было, что про *[битая ссылка]* Мики Рурка. Дадут ли Рурку «Оскар»? И если дадут – считать ли это восстановлением исторической справедливости или есть в этом жесте нечто этически омерзительное? А фильм *[битая ссылка]* «Рестлер», за который Рурку должны были выдать статуэтку, – гениальное кино или полное фуфло? А слышали, он собачке костюм для церемонии сшил, а она взяла и померла? В статистике запросов Яндекса Рурк обогнал, кажется, Медведева и Путина, вместе взятых, писатель Захар Прилепин напечатал в «Русской жизни» оду актеру под названием «Русский народный артист, алкоголик и дебошир», брутальный портрет алкоголика и дебошира, в полном соответствии с принципами старухи Шапокляк, застенчиво и строго смотрел со всех газет. Ну Рурк и Рурк, мало ли кого поднимают на щит, ничего особенного – когда бы не одна деталь: фильм «Рестлер», из-за которого поднялся весь шум, выходит в российский прокат в конце марта; есть, впрочем, смутное подозрение, что более-менее все, кому надо, его уже посмотрели.

Газета «Коммерсант», сообщая о том, что сборы в российских кинотеатрах упали за год на 45,5% (по состоянию на декабрь 2008-го), в качестве возможных причин приводит

подорожание билетов, недостатку отечественных блокбастеров, а также равнодушие публики ко всему, что отечественным блокбастером не является. Все так, но странным образом не упомянут еще один фактор. Кривая посещаемости сайта *[битая ссылка] torrents.ru* – самого популярного в России торрент-портала, где можно не вполне легально скачать любое кино (а также сериалы, софт и музыку), – резко пошла вверх прошлым летом, в январе 2009-го на *torrents.ru* заходили 800000 человек в день (вдвое больше, к примеру, чем на *[битая ссылка] lenta.ru*). Количество поисковых запросов в Яндексе по слову «торренты» за год выросло почти втрое, количество людей, которые смотрят кино в сети (легально или нет), – более чем вдвое. По оценке компании «Видео 24», из-за перетекания кино в интернет фильм «Гитлер капут!» собрал вдвое меньше денег, чем мог бы, «Хэнкок» – в полтора раза меньше. Изменился сам способ восприятия кино – знакомый глава издательского дома рассказывал на днях, что смотрит теперь фильмы, как раньше книжки читал, – по четыре штуки одновременно, кусочками, лежа с ноутбуком на животе в кровати перед сном. Или, как сформулировала эту парадигму в своем ЖЖ писательница Татьяна Толстая, «я вечером залягу в койку, на живот положу MacAir, и идите вы лесом, я буду смотреть, чтоонитампочемуикуда» (справедливости ради, Толстая имела в виду сериалы – которые, впрочем, добываются на тех же сайтах и тем же способом, что и так называемый «пиратский кино-

КОНТЕНТ»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.